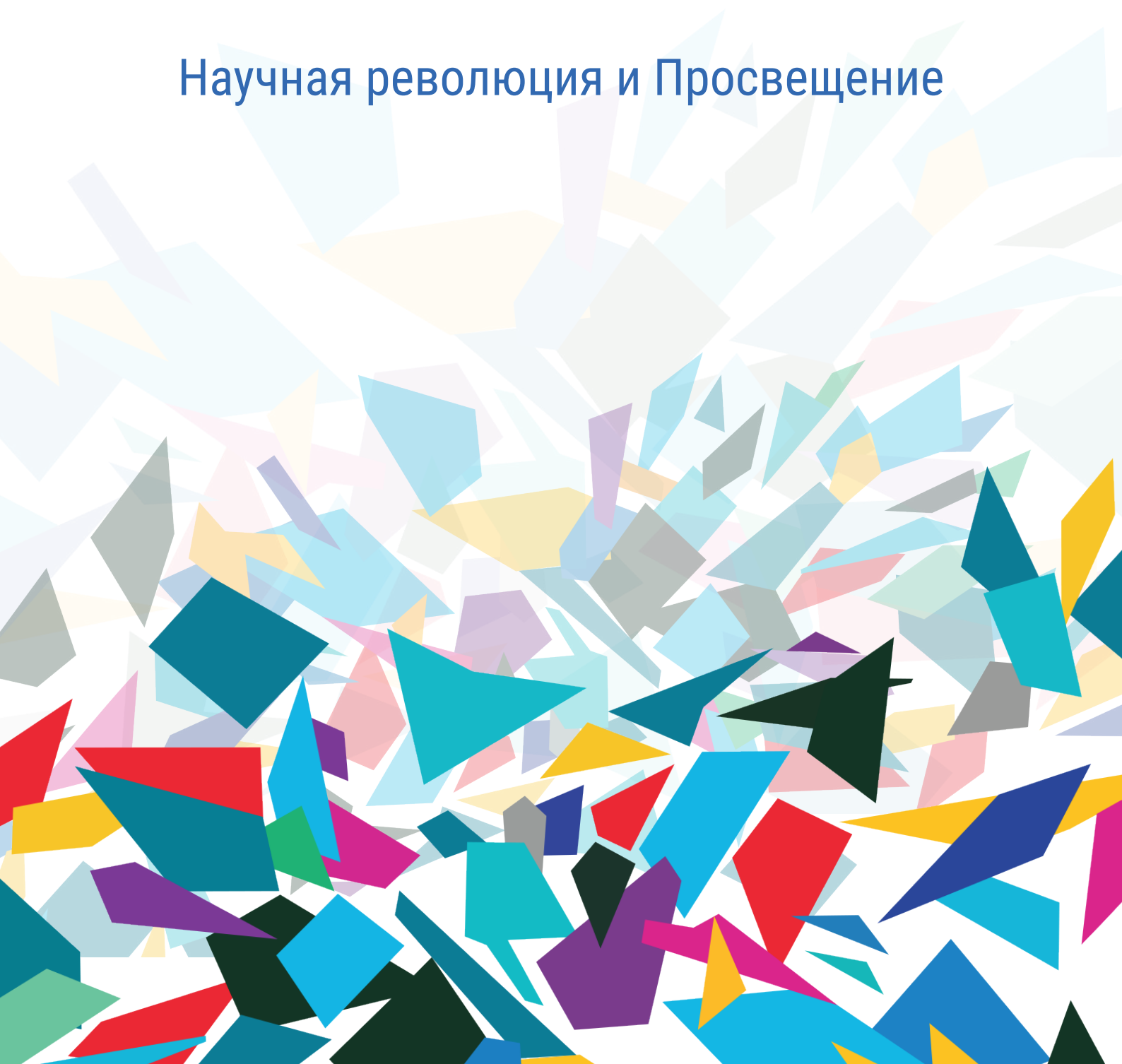


ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Научная революция и Просвещение





Подняв ряд вопросов относительно состоятельности и самодостаточности христианской культуры Средних Веков, Ренессанс подготовил почву для их преодоления. Окончательный же переход к следующему периоду в европейской истории, периоду, известному в западной историографии под именем раннего Нового Времени, прошел под знаком Научной Революции. Начавшееся с посмертной публикации работы Коперника «О Вращении небесных светил» и нашедшее свое совершенное отображение в «Принципии» Ньютона, серия событий в интеллектуальной и культурной сферах деятельности человека, подвергла кардинальному пересмотру принципы познания человека мира, общества и самого себя. Результатом научной революции стала, по словам философа науки Томаса Куна, «смена парадигмы», отход от восприятия Вселенной на основе античных и христианских представлений к новой целостной картине мироздания.

Эти перемены, ознаменовавшие новую эпоху, не могли не коснуться исторического знания. Образ истории, не являющейся еще долгое время отдельной дисциплиной, становится более комплексным. Меняются требования к источникам, изменяется представление о достоверности и о целях, связанных с исследованием прошлого. Принципиально важными являются и попытки осмысления всего процесса мировой истории в рамках секуляризации мышления.

В полной мере историография испытала на себе следствия смены парадигм уже в следующую за Научной революцией эпоху Просвещения.

Наш разговор пойдет как о Научной Революции, так и о влиянии новых принципов познания на развитие исторического знания в эпоху Просвещения.

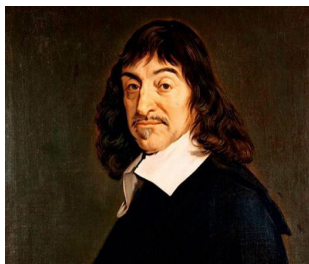
Выражаясь схематично, в Средние века знание представлялось в качестве синтеза откровения и разума. При этом разум, оперирующий в рамках философии, играл роль подчиненную откровению. Истина часто определялась авторитетом священного писания, а затем, начиная с конца XII века, о работами эталонного философа Аристотеля.

С научной революцией источником познания становятся наблюдение и опыт. Эмпирический подход обуславливает возникновение новых, рациональных объяснений причин и следствий. Наука освобождается от необходимости соотношения началам теологии, постепенно закрепляя за собой главенствующее положение в вопросах, касающихся исследования природы.

Отделение науки от теологии проявилось в росте светских научных сообществ, а за ними и академий, таких, как Академия Линчеи в Риме, Лондонское Королевское научное общество, Королевская академия наук во Франции. Появлению институтов предшествовало создание «философских программ» для новой науки.



Среди них самой известной была программа, отраженная в работе Фрэнсиса Бэкона «Новый Органон» (названный так в противовес «Органону» Аристотеля). Бэкон считал, что знание должно исходить из опыта. И предоставлять человеку контроль над стихийными силами природы. Зафиксированные факты позволяли ученым при помощи индукции устанавливать общие закономерности. Бэкон, не отделяя гражданскую, политическую историю, от естественной истории, физики, подчеркивал практическую ценность документально подтвержденных фактов.



В XVII веке успехом пользовалась картезианская система представления о мироздании. Рене Декарт, ее основатель, пришел к заключению о фундаментальном различии между «душой» и «материей». В сфере физики картезианский дуализм проявился в различии между познающим сознанием и познаваемой «субстанцией», лишенным сознания миром. Декарт считал, что материя взаимодействует с собой сугубо механически, являя единое динамичное целое. Другими словами, в мире нет места силам, что бы действовали на материю отдаленно.

Хотя сам Декарт скептически относился к возможности получения знания о прошлом, представления о мире, разработанные им и его последователями – Мальбраншем, Гейлинксом и другими – подтолкнули философов к идее создания «социальной механики». Как и природой управляли познаваемые разумом универсальные законы, так и общественную жизнь можно было реконструировать, исходя из универсальных свойств «человеческой природы». Индивид воспринимался внеисторически, склонный к одним и тем же



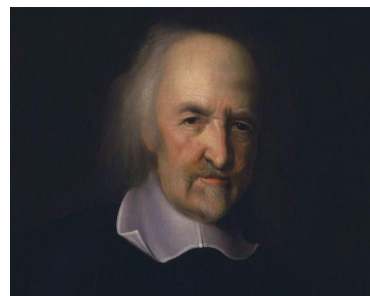
действиям при видимо подобных обстоятельствах.



Вопрос возникал, только когда речь заходила о детализации человеческой природы. Гуго Гроций, основоположник современного международного права, считал, что люди стремятся к общению друг с другом. Однако его современник, английский философ-материалист Томас Гоббс, утверждал обратное, что людям свойственно находится в отчуждении друг от друга и в состоянии «войны всех против всех». Тем не менее, несмотря на разницу в понимании внеисторической человеческой природы, Гроций, Гоббс и ряд других мыслителей, пришли к идее общественного контракта, якобы заключенного людьми с целью создания государства и предоставления гарантии сохранения исходящих из природы человека его естественных прав.

Понятие «общественного контракта», постепенно проникая в социальные науки, стало в XVIII веке принципиальной концепцией в объяснении взаимодействия государства и общества.

В XVII веке история еще не являлась отдельной дисциплиной, ее изучение чаще всего носило прикладной характер по отношению к изучению древних языков и интерпретации библейских сюжетов. Несмотря на это, интерес к истории ширился не в последнюю очередь благодаря осознанию той роли, что история может играть в обосновании политических устремлений.



Достоверные документы прошлого все более служили инструментами борьбы между усиливающейся королевской властью и ее противниками.

Как один из основоположников современного научного метода Фрэнсис Бэкон делил историю на совершенную и несовершенную. Под совершенной Бэкон понимал интерпретативную историю, относящуюся к политическим событиям. Совершенная история, базируясь на хрониках, воспоминаниях, устных свидетельствах, могла принимать форму жизнеописания, повествования о войне, национальной истории. И имела сильный моральный, дидактический подтекст. К таковым можно причислить работу самого Бэкона о жизни и деятельности первого Тюдора Генриха VII, труд графа Кларендона «История мятежа» и трактаты Джона Локка о правительстве и о религиозной терпимости.

«Несовершенная» история являла, по представлению Бэкона, подготовительный этап к написанию истории. Ее смысл заключался в сборе материалов, свидетельствующих о прошлом: документов, хроник, монет, памятников. Такая история, связанная с собиранием письменных и материальных свидетельств о прошлом, получила название антикварианства. Люди, задействованные в этой практике, стали известны под именем антикваров.

Антиквары считали себя не столько историками, сколько компиляторами. Они собирали фрагменты прошлого, анализировали, но не создавали исторических нарративов. Их интересовало прошлое, однородное и недифференцированное. Внимание антикваров привлекали черты странного и трудно объяснимого, но ответы на вопросы они подбирали, исходя из логики современной им культуры. Чувство дистанции по отношению к прошлому у них было слабо развито.

Тем не менее, антикварные общества, появившиеся в Англии и на континенте в конце XVI – начале XVII века, сделали многое для того, чтобы, как сказал один антиквар, «хотя и не пролить на (древнюю историю) яркий свет... Но превратить полную темноту в легкий туман». Сосредоточившись на сборе следов коллективной истории, антиквары воссоздавали из источников образ далекого прошлого.

Не менее значительной была и работа антикваров в публикации исторических документов. Католическая церковь выступала часто в качестве инициатора таких проектов. В этом выражалась возросшая роль исторических памятников в текущих политических разногласиях. Так, важные документы по истории средневековья были подготовлены и опубликованы монахами конгрегации святого Мавра из ордена бенедиктинцев. В 1643 году иезуиты в Антверпене начали издание многотомной серии «Жития святых», содержащей средневековые легенды и предания о деяниях христианских святых. Публикаторы-эрудиты и собиратели-антиквары сыграли важную роль в разработке правил критического анализа текстов рукописей и внесли серьезный вклад в появление таких вспомогательных исторических дисциплин, как палеография, хронология и дипломатика.

В XVII веке инициированный научной революцией пересмотр принципов познания ограничивался



в основном научной деятельностью. В XVIII веке их влияние сказалось в полной мере на развитии общественного сознания, что и определило характер следующей за научной революцией эпохи, эпохи Просвещения.

Как интеллектуальное движение, распространившееся по всей Европе, Просвещение не представляло из себя некоего монолита. Мнения, отраженные в работах философов эпохи, были крайне разнообразны. Тем не менее, его ключевые представители разделяли ряд основных положений.

Первостепенным среди них была убежденность в значимости человеческого разума. Разум, будучи определяющей чертой человеческой природы, был призван освободить человека от «иррационального» налета, предрассудков, тормозящих развитие традиций, религиозного фанатизма и прочего. Руководствуясь критериями здравого смысла, человечество, в представлении философов Просвещения, входило на дорогу построения общества на рациональных, научных началах. Таким образом, установленный Творцом порядок в природе, порядок, ставший умозрительным, благодаря работам Галилео, Кеплера, Ньютона, проецировался на общественный уклад, ставший беспорядочным вопреки человеческой природе.

История занимала важное место в интеллектуальной традиции Просвещения. Христианская парадигма, представляющая человеческое становление как отражение Божественного замысла, отходила на второй план. Шли поиски нового понимания истории, ее хода и смысла исследования прошлого. В процессе пришло осознание того, что история – это не просто жанр изящной словесности, а историография – это намного больше, чем компиляция фактов.

Из разнообразия исторической литературы Просвещения следует выделить два больших направления: это труды историков-эрудитов, и сочинения историков-философов.

Историки-эрудиты продолжали дело, начатое коллекционерами-антикварами XVII века. Они не только находили новые источники, но и разрабатывали методы критики рукописей, способы изучения археологических находок, надписей, монет, эмблем, генеалогических и хронологических таблиц и прочее. Благодаря их деятельности возникли первые музеи, где собранные ими артефакты были представлены широкой общественности.

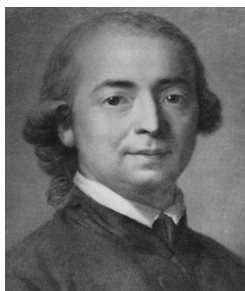
Огромная работа была проделана эрудитами в публикации текстов, связанных с историей того или иного региона. Во Франции в 1737 году мавристы издали серию «Собрание историков Галлии и Франции», включавшую источники до 1328 года. В Италии в течение 28 лет издавалась серия Муратори «Итальянские историки». Похожие серии выходили в Англии и в Германии. Об опыте написания национальных историй на основе этих и других источников мы расскажем в нашей следующей лекции.

В отличие от историков-эрудитов, сосредоточенных на собирании и обработке материалов, связанных с отдельным регионом, историки-философы стремились постигнуть ход истории в целом. Они перенесли вопрос естествознания о наличии и содержании законов природы в область человеческой исторической деятельности. Подчиняется ли история, подобно природе, законам? И если да, то каким? Отрицая средневековые схемы, построенные вокруг идеи Божественного провидения, историки-философы предлагали секулярные универсальные схемы, объясняющие и объединяющие события прошлого, настоящего и будущего.

Находясь под влиянием социальной мысли прошлого столетия, историки-философы мыслили внеисторически. Человеческая природа оставалась в их представлении неизменной; различными были лишь ее манифестации в виде народов со своими языками, обликами, обычаями, нравами и законами.



В этой связи популярность приобрела теория географического детерминизма, утверждавшая, что различия в общественной и культурной жизни отдельных человеческих сообществ обусловлены положением самих народов, факторами климата, ландшафта, почвы, воздуха. Приверженцем этой теории был французский мыслитель Шарль Луи Монтескье, утверждавший в своей работе «О духе законов» необходимость построения государственного устройства в гармонии с национальным характером.



Другой популярной универсальной схемой стала схема, произросшая из новых для XVIII века понятий – культуры и цивилизации. Эти термины использовались как синонимы, хотя уже в конце XVIII века немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер выделил культуру в отдельную категорию, предвосхитив тем самым романтизм. Эта схема подразумевала некую шкалу культурности, при помощи которой можно было определить положение сообщества в своем движении от варварства к цивилизации.

Апологетом такого представления об общечеловеческом становлении был Вольтер. В своей работе «Опыт о нравах и духе народов и о главных исторических событиях» он попытался одним из первых европейских историков изложить опыт неевропейских народов. Вся история, по его убеждению, – это хроника взросления человечества, оставляющего предрассудки и все больше пользующегося разумом. Вольтер, несмотря на свое восхищение Китаем, считал, что Запад опережает остальные регионы в утверждении рационального взгляда на мир. Он писал о разных народах с сочувствием и интересом, но сохраняя большую дистанцию и ориентируясь на систему ценностей «своей» цивилизации.



В нашей следующей лекции мы продолжим разговор о философской истории, поговорим об одной из важнейших парадигм эпохи – парадигме Прогресса, а также попытаемся описать различные практики написания «философской истории».